

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО МОНАРХИСТА.

На письмо въ редакцію «Пути» А. Петрова я могу отвѣтить только лично за себя, такъ какъ взгляды о. Сергія Булгакова, А. В. Карташева, евразійцевъ и др., которыхъ имѣеть въ виду авторъ письма, въ разныхъ направленіяхъ отличаются отъ моихъ. А. Петровъ находитъ, что мои писанія и выступленія оскорбительны для религіознаго сознанія монархистовъ. Рѣзкое отрицаніе какихъ-либо идей и вѣрованій всегда вѣдь кажется оскорбительнымъ, а иногда и кощунственнымъ людямъ, исповѣдующимъ эти идеи и вѣрованія. Я хотѣлъ бы только сказать, что я не сомнѣваюсь въ искренней религіозности и преданности Православной Церкви отдѣльныхъ монархистовъ. Я отвѣчаю на письмо А. Петрова потому, что оно написано искренне и обнаруживаетъ подлинную вѣру. Но русскій зарубежный монархизмъ, какъ общественное теченіе, по моему глубокому убѣжденію представляетъ большія опасности для Церкви и готовитъ ей новыя формы порабощенія. Всѣ другія политическія направленія болѣе нейтральны и болѣе безопасны для Церкви, не дѣлаютъ никакихъ насилій надъ Церковью въ приходскихъ совѣтахъ, не требуютъ отъ Церкви служенія своимъ интересамъ. Именно правыя монархическія теченія въ эмиграціи дѣлаютъ все, чтобы разорвать органическую связь между Православной Церковью въ Россіи и Православной Церковью за границей. Я жилъ въ Москвѣ во время Карловицкаго Собора, который прошелъ подъ давленіемъ правыхъ монархическихъ круговъ, и знаю, съ какимъ осужденіемъ и враждой относились къ нему православные люди въ Россіи. Русскій помѣстный Соборъ, несмотря на разныя въ немъ теченія, патріархъ и практика Церкви въ концѣ концовъ

санкціонировали тотъ разрывъ между Православіемъ и самодержавіемъ, который фактически совершила революція. Православные люди внутри Россіи въ значительной своей части признали, что Церковь безповоротно вступила въ новый историческій фазисъ. За годы гоненій противъ Церкви со стороны антихристіанской коммунистической власти у насъ явились мученики и исповѣдники, развилось старчество, произошло возрожденіе вѣры, подборъ качественныхъ элементовъ въ Православіи, восторжествовала искренность и потерпѣла поражение условная ложь. За двѣсти же лѣтъ синодальнаго строя Петровскаго періода Православная Церковь дошла до состоянія, которое Достоевскій назвалъ параличемъ, торжествовала неискренность, своекорыстіе и условность, изъ Церкви ушли наиболѣе творческіе и цѣнные элементы общества и Православіе приобрѣло казенно-императорскій стиль. Были отдѣльные свѣточи православія — св. Серафимъ, оптинскіе старцы, но въ общемъ Православіе переживало періодъ упадка. Соборность существовала лишь въ писаніяхъ славянофиловъ. Нужна была революція, чтобы соборъ могъ собраться. Никакой жизни приходовъ не было. Они начали организовываться лишь во время революціи. Въ этомъ отношеніи, какъ это ни парадоксально, заслуги революціи велики. Церковный народъ былъ совершенно пассивенъ, активна была лишь государственная власть. И лишь нынѣ пробуждается организованная активность и отвѣтственность православнаго народа. Выходъ изъ Константиновскаго періода въ исторіи христіанства, въ которомъ все уже разложилось, означаетъ христіанское возрожденіе. Возвратъ къ этому періоду означалъ бы срывъ

этого религиозного возрождения, угрозу восстановления лжи, неискренности, услужливости, сервиллизма. Я знаю взглядъ Митрополита Филарета, Архиепископа Никанора и др. иерарховъ на православную монархію. Но оправдывать и обосновывать религиозный смыслъ самодержавія ссылками на иерарховъ Церкви петровскаго періода представляется мнѣ неубѣдительнымъ. Большинство этихъ иерарховъ запятнало себя сервелизмомъ, прислужничествомъ власти и скомпрометировало себя неспособностью отстаивать свободу и достоинство Церкви. Епископы были назначаемы царской властью и находились отъ нея въ полной зависимости, они слишкомъ уподоблялись губернаторамъ. Достаточно вспомнить блестящія статьи по церковному вопросу Ив. Аксакова, человѣка глубоко православнаго и монархиста по убѣжденію. Это — вопль объ униженіи Церкви въ православной монархіи! Какъ это ни странно, но приходится признать, что строй Православной Церкви при антихристіанской коммунистической власти въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе правильный и болѣе соответствуетъ достоинству Церкви Христовой, чѣмъ при православной монархической власти. Старый же дореволюціонный церковный строй очень напоминаетъ «живая церковь».

Признаніе церковно-догматическаго значенія за самодержавной монархіей и за помазаніемъ царя на царство характера особаго таинства представляется мнѣ самой настоящей ересью, за которую мы терпимъ жестокую кару. Это есть ересь челоѣкобожества, обоготворенія относительнаго и преходящаго, воздаянія кесарю божескаго, переходящаго въ идолопоклонство. Цезарепапизмъ есть ложь не меньшая, чѣмъ папоцезаризмъ, не меньшій срывъ въ христіанскомъ сознаніи. И если до сихъ поръ еще русскіе люди могутъ увлекаться идеей религиознаго самодержавія, то значить недостаточно долго у насъ царствуетъ большевизмъ. Духовно, религиозно, морально большевизмъ долженъ былъ бы у насъ кончиться лишь тогда, когда православные люди окончательно покаются въ своемъ идолопоклонствѣ. Но русскіе монархисты въ эмиграціи вообще не хотятъ каяться въ своихъ грѣхахъ и склонны всегда считать не себя, а другихъ виноватыми. Въ Священномъ Писаніи нѣтъ основаній для религиозно-мистической концепціи самодержавной монархіи и есть много убійственнаго для этой

концепціи. А тексты Священнаго Писанія авторитетнѣе цитать изъ фальшиво-риторическихъ рѣчей епископовъ періода религиознаго упадка и вырожденія, оскудѣнія духа. Библейское пониманіе происхожденія царской власти очень неблагоприятно для религиознаго обоснованія самодержавія. Въ Евангеліи нѣтъ ни одного слова, которое могло бы обосновать самодержавную монархію.

Нѣтъ и въ классической патристикѣ принципиальнаго богословскаго обоснованія вѣроучительнаго значенія монархіи. Монархія дѣйствительно имѣетъ религиозное происхожденіе, но не христіански-религиозное, а язычески-религиозное. Царская власть имѣетъ свои корни въ тотемизмъ, въ тотемистическихъ вѣрованіяхъ доцивилизованныхъ людей. Классической страной священной монархіи былъ Египетъ. Фараонъ былъ тотемомъ, онъ уподоблялся священному животному, покровителю клана и источнику его жизни. Но тотемизмъ преодолѣнъ христіанствомъ, преодолѣно принципиально и языческое отношеніе къ власти. Христіанская религія принципиально отрицаетъ абсолютность государственной власти. Между тѣмъ какъ психологія русскаго монархизма есть переживание психологіи тотемизма. Непреодоленное язычество играло большую роль въ христіанской исторіи. Христіанство все еще было слишкомъ родовымъ христіанствомъ. И религиозный кризисъ, который переживаетъ Россія и міръ, есть кризисъ язычества въ христіанствѣ, есть наступленіе конца христіанства родового, въ которомъ все еще были сильны остатки первобытной религіи клана. Государство по существу своему имѣетъ язычески-ветхозавѣтную природу и въ этомъ своемъ качествѣ оно получило освященіе и оправданіе въ христіанствѣ. Мы живемъ не только въ новомъ завѣтѣ, но и въ ветхомъ завѣтѣ, мы подчинены закону, хотя передъ нами раскрывается высшій порядокъ, порядокъ благодати, порядокъ любви и свободы. Государство имѣетъ религиозную основу, но ветхозавѣтно-религиозную, а не новозавѣтно-религиозную. И государство новозавѣтное, христіанское есть условная символика, которая превратилась въ ложь и стала невозможной. Новозавѣтное, христіанское сознаніе не даетъ никакихъ основаній мыслить Бога, какъ монарха, какъ властелина. Богъ открывается, какъ Отецъ, какъ Любящій и Любимый. Власть же существуетъ лишь въ грѣховномъ природ-

номъ порядкѣ. Божественная Троичность совсѣмъ не есть монархія, и изъ нея нельзя вывести монархіи. Религіозно-мистическое оправданіе самодержавной монархіи свойственно лишь извѣстному періоду христіанства, періоду Константиновскому, да и то лишь исключительно православію византійскому и русскому. Но тому, что свойственно лишь извѣстному періоду и извѣстному народу, нельзя придавать значенія абсолютнаго и непреходящаго.

Правые русскіе монархисты стоятъ на такомъ мѣстѣ, съ котораго не видно размѣровъ мірового кризиса, не видно наступленія новой міровой эпохи въ христіанствѣ. И потому споръ дѣлается мало плодотворнымъ. Меня не убѣждаютъ и не представляются мнѣ авторитетными ссылки на мнѣнія іерарховъ и на церковную практику того періода христіанства, который по моему убѣжденію кончился, который не былъ вѣчнымъ и не былъ тождественъ съ сущностью Православія. Имъ же кажется неубѣдительнымъ мое пониманіе современнаго кризиса и мое предвидѣніе будущаго. Это есть столкновение статической и динамической точки зрѣнія. Меня ужасаетъ нечувствительность многихъ русскихъ людей къ историческому часу, къ движенію исторіи. Имъ кажется, что произошелъ лишь скандалъ и безчинство, но принципиально все осталось на своихъ мѣстахъ. Они исповѣдуютъ ложный историзмъ, т. е. абсолютизацію относительныхъ и преходящихъ историческихъ формъ, но отрицаютъ смыслъ историческаго движенія. Авторъ письма говоритъ, что Православная Церковь не можетъ быть равнодушна къ осуществленію Правды Божіей въ жизни общества и государства. Онъ правъ. Но бѣда въ томъ, что самодержавная монархія очень мало дѣлала для осуществленія христіанской общественной правды. Менѣе всего эта правда осуществлялась въ Византіи, православної и самодержавной. Но и въ Россіи, православної и самодержавной, не очень осуществлялась Правда Божія въ государственной и общественной жизни. Государство реально никогда не дѣлалось христіанскимъ, оно строилось на языческихъ началахъ. Преображенія жизни не наступало. Ограничивались условно-символическимъ освященіемъ жизни. Общество въ принципѣ не было построено на основахъ христіанской любви, а государство и не могло быть построено на этихъ основахъ, ибо онѣ противорѣчатъ природѣ

государства. Между путями личнаго спасенія и путями общественнаго и культурнаго созиданія и преображенія оставалась непреходимая пропасть. Есть одинъ тревожный вопросъ для христіанской совѣсти право-монархическаго направленія. Люди этого направленія, даже когда они искренніе христіане, обычно болѣе любятъ насиліе во имя своего пониманія добра, и легче относятся къ пролитію крови и убійству человѣка, чѣмъ большая часть другихъ направленій, если не считать коммунистовъ, которые всѣхъ превзошли въ практикѣ насилій и убійствъ. Проповѣдь кровавой ненависти къ евреямъ, ко всѣмъ лѣвымъ, къ интеллигенціи, къ инославнымъ исповѣданіямъ и мн. др. исходитъ отъ правыхъ. Это парадоксъ, надъ которымъ слѣдуетъ задуматься: христіане-монархисты, какъ политическое направленіе, болѣе яростны, болѣе любятъ смертныя казни, тюрьмы, войны и всякаго рода насилія, чѣмъ люди другихъ направленій, не почитающихъ себя христіанскими. Вспомните хотя бы убійство Набокова, вспомните еврейскіе погромы, поощряемые правыми организаціями, разжиганіе ненависти къ враждебнымъ направленіямъ и мн., мн. др. Не слѣдуетъ замазывать всю тревожность этого вопроса, ссылкой на ту элементарную истину, что христіанство не есть гуманизмъ. Я это отлично знаю и самъ много критиковалъ и обличалъ гуманизмъ. Но я знаю также, что христіанство не есть бестіализмъ и человѣконенавистничество, что христіанство выше, а не ниже гуманизма. Среди правыхъ монархистовъ есть прекрасные люди, очень искренніе, очень благородные, очень вѣрующіе. Особенно это нужно сказать про молодежь. Но приходится все-таки признать, что средній уровень русскихъ монархистовъ не высокъ, что это направленіе должно себя реабилитировать. Оно не можетъ гордиться своимъ прошлымъ. У насъ никогда не было вполнѣ независимаго, идейнаго, общественнаго монархизма. Монархизмъ былъ казеннымъ направленіемъ. И когда насталъ страшный часъ паденія монархіи, монархисты ничего не сдѣлали для ея поддержанія, у нихъ не оказалось благороднаго, рыцарскаго духа. Благородство было проявлено лишь послѣднимъ русскимъ монархомъ, но не монархистами. Монархисты не выстрадали себѣ право кричать о монархіи въ заграничныхъ русскихъ колоніяхъ.

Я вѣрю, что въ Россіи, въ русскомъ на-

родъ есть подлинное религиозное возрожденіе. Но его невозможно понимать въ категорияхъ количества. Огромное и неожиданное значеніе революціи, противоположное сознательнымъ цѣлямъ самихъ революціонеровъ, заключается въ томъ, что послѣ нея качественныя и реальныя оцѣнки начинаютъ рѣшительно преобладать надъ количественными и формальными. Условная ложь принудительнаго количественнаго универсализма въ христіанствѣ сокрушена, и къ ней врядъ ли возможенъ возвратъ. Отнынѣ все должно опредѣляться реальными религиозными качествами. Принудительность и видимость пребыванія въ Православной Церкви ни для чего не нужна и не имѣетъ никакой цѣны. И нѣтъ надобности во, что бы то ни стало дѣлать видъ, что большая часть русскаго народа вѣрна христіанству и православію. Намъ нужна правда. Между тѣмъ какъ идея православной монархіи покоится на условной лжи принудительнаго количественнаго универсализма, на предположеніи, что большая часть народа вѣрна Православію или должна соблюдать видимость Православія. Религиозная монархія пала, потому что обнаружилась ложь въ ея основѣ, неискренность. Міръ вступаетъ въ періодъ изобличенія реальностей и связанныхъ съ этимъ глубокихъ раздѣленій. И потому идея вѣроисповѣднаго государства дѣлается неискренней, лживой, по существу насильнической. Я не только не вѣрю въ возрожденіе вѣроисповѣднаго государства, принудительно православнаго, но и не хочу его. Идея вѣроисповѣднаго христіанскаго государства есть лже-христіанская идея, она свойственна эпохѣ смѣшаннаго христіанства, полу-христіанства, языко-христіанства. Ибо государство имѣетъ природу ветхозавѣтно-языческую и въ этомъ своемъ качествѣ до времени должно утверждаться и развиваться. Подлинное же христіанское общество не вмѣстимо ни въ какія категоріи государственнаго мышленія. Христіанское общество не имѣетъ ничего общаго и съ современной безбожной демократіей, не желающей знать обязанности, жертвы и любви. Секуляризованность современныхъ демократическихъ республикъ получена по наслѣдству отъ ранѣе секуляризованныхъ монархій. Отношеніе между церковью и государствомъ внѣшне теперь можетъ быть мыслимо лишь въ формѣ конкордата. Внутренне же христіанство должно стремиться опре-

дѣлать собой и преобразить всю полноту социальной жизни.

Хотѣлъ бы разсѣять еще одно недоразумѣніе. И авторъ письма, какъ и многіе другіе, понимаетъ меня такъ, что я проповѣдую какое-то пассивное претерпѣваніе зла, прекращеніе борьбы съ большеизмомъ. Это совершенно не соотвѣтствуетъ моимъ дѣйствительнымъ взглядамъ. Если я отрицаю тѣ способы борьбы, которые пользуются особенной популярностью въ правой части эмиграціи, то это не значитъ, что я отрицаю всякую борьбу. Это значитъ только что я хотѣлъ бы бороться другими методами, болѣе на мой взглядъ реальными. Сейчасъ за границей никакой реальной политической борьбы не происходитъ, — происходятъ пустыя словопренія и риторическія словоизверженія въ газетныхъ статьяхъ. Дѣйствительная же реальная борьба съ большеизмомъ есть прежде всего духовная борьба, которая возможна для каждаго изъ насъ въ каждое мгновеніе нашей жизни и которую завѣщала намъ христіанская вѣра. Политическая же и военная борьба производна и можетъ быть реальной лишь въ самой Россіи, въ русскомъ народѣ, на русской землѣ. Въ мечъ эмиграціи я не вѣрю, онъ давно сталъ картоннымъ мечемъ, а, если бы и сталъ настоящимъ, то причинилъ бы лишь вредъ. Новой кровавой «революціи» русскій народъ, вѣроятно, не выдержалъ бы, онъ изошелъ бы кровью. Но это не значитъ, что я «эволюционистъ». Возможно, что совѣтская власть будетъ свергнута силой оружія, и это даже очень вѣроятно. Но будетъ свергнута она прежде всего мечемъ красной арміи, которая станетъ національной. И переворотъ, который можетъ произойти въ Россіи, не можетъ быть контръ-революціей противъ социальныхъ послѣдствій революціи, противъ новой социальной почвы, а лишь сверженіемъ верхушки власти. Къ социальнымъ же результатамъ революціи возможно лишь «эволюціонное» отношеніе: начинать нужно съ того состоянія почвы, которое образовалось въ результатѣ геологическихъ революціонныхъ переворотовъ. Легитимная монархическая идея не имѣетъ въ данный моментъ почвы въ русскомъ народѣ и всякія попытки ея навязыванія пахнутъ насиліями и кровью и претятъ моимъ христіанскимъ чувствамъ. Да и я думаю, что эмигранты-монархисты психологически мѣшаютъ сейчасъ преодолѣнію большеизма въ Россіи. Это не есть принци-

пiальное отрицанiе всякой монархiи и не есть требованiе во что бы то ни стало республики или демократiи, къ которымъ я не питаю никакихъ симпатiй. Монархiя, какъ природно-историческiй фактъ, порождаемый изъ нѣдръ народной жизни, вполне возможна, а иногда желанна. Я не придаю принципиальнаго значенiя внѣшнимъ формамъ государственной власти, и мнѣ представляется одинаково устарѣвшими и доктринерство монархическое и доктринерство республиканское. Болѣе существенно и важно думать о томъ, чтобы не форма, а содержанiе жизни общества и государства опредѣлялось истиной Христовой вѣры, чтобы всѣ движущiе мотивы нашей жизни были подлинно христіанскими. Вопросъ о формѣ государственной власти есть вопросъ техническiй, а не религіозный. Религіозный же вопросъ есть вопросъ о томъ, какой духъ движетъ властью и опредѣляетъ жизнь общества.

Я не отрицаю въ принципѣ борьбы со зломъ насилiемъ. Это — элементарно. Но

бываетъ насильственная борьба со зломъ, которая есть не меньшее зло, чѣмъ то, противъ котораго она борется. Миръ захлебнулся въ крови, слишкомъ многіе считаютъ возможнымъ убивать своихъ идейныхъ противниковъ, и необходимо духовно бороться противъ кроваваго бреда. И я спрашиваю русскихъ правыхъ монархистовъ, — любятъ ли они духовную свободу и хотятъ ли они ее защищать противъ коммунистовъ, истребляющихъ ее безъ остатка? Если нѣтъ, если они сами хотятъ истреблять духовную свободу, то они не лучше коммунистовъ и борьба ихъ противъ зла коммунизма не имѣетъ оправданiя. Осужденiе православной самодержавной монархiи въ томъ, что она дѣлаетъ христіанъ гонителями. Но христіанская вѣра всегда вырождалась, когда христіане становились въ положенiи гонителей, и всегда возрождалась, когда христіане были гонимы.

Николай Бердяевъ.